

Рыбалка И. С.

MEMORY STUDIES СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО РОМАНА

Сделана попытка проанализировать современный украинский роман в ключе так называемых *memory studies*, которые являются популярным вектором современных междисциплинарных исследований. В работе также исследуются коммеморативные возможности художественного текста. В качестве материала исследования выбран роман известной украинской писательницы Ирэн Роздобудько «Если бы».

Ключевые слова: *memory studies*, «места памяти», коммеморация, коллективная память.

Memory studies являются одним из наиболее актуальных современных направлений междисциплинарных исследований, основная цель которых – изучение коллективной и культурной памяти социума. Коллективная память, проявлением которой являются традиции, верования и мифы, задействованные в обществе, до недавнего времени занимала преимущественно историков, социологов и психологов. Сегодня, когда связь между дисциплинами становится более тесной, этот феномен заинтересовал также литературоведов.

Целью статьи является изучение особенностей художественного осмысления писательницей образов коллективной памяти, а также анализ роли коммеморации в качестве структурного элемента сюжета романа Ирэн Роздобудько «Если бы».

Методологическая основа такого рода исследований была разработана французским социологом М. Хальбваксом. Результаты его работы вышли в свет под названием «Социальные рамки памяти» в 1925 г. По его мнению, историческая память – это совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и коллективных представлений об общем прошлом. В указанном исследовании коллективная память выделяется как важный фактор социальной, этнической, национальной самоидентификации группы и не может быть приравнена к официальной версии истории, которая представлена как искусственно сконструированная идеологическая версия прошлого, целью которой является манипуляция массовым подсознанием (Хальбвакс, 2005). Основой для такого прочтения понятия коллективной памяти послужили представления о том, что каждое поколение «переписывает» историю согласно императивам современности, что способствует лучшему пониманию как прошлого, так и настоящего (Курилла, 2012: 4). А. Клейтман в работе «Эпоха коммеморации: мнемонические основания социокультурной идентичности» подчеркивает, что институцию памяти следует рассматривать как «зеркало нашей идентичности и архив правды о нас» (Клейтман, 2012: 33).

Итак, интерес к прошлому является неотъемлемой частью самосознания современного общества. Феномен коммеморации (т. е. процесс запоминания – припоминания посредством актуализации события, образа и персонажей прошлого в контексте современных взглядов и нужд) трактуется как важный элемент социальных процессов современной культуры, одна из форм трансляции исторической памяти (Васильева, 2009). Создание памятников, музеев, определение выдающихся дат, праздники, проведение массовых мероприятий представляются как коммеморативные действия. Механизмом реактуализации опыта прошлого французский исследователь П. Нора считает «места памяти»: сакральные предметы, архитектурные сооружения, события, явления, ассоциации и т. д. (Васильева, 2009). Создание текста также смело можно назвать коммеморативным действием, если речь идет о документальном, научном или публицистическом произведении. Такой текст превращается в своего рода свидетеля предыдущей эпохи, которая связывает человека с прошлым, занимает определенное место не только в физическом, но и в виртуальном просторе культуры.

Одной из самых важных форм коммеморативной репрезентации является совокупность исторических событий и дат, которые определенным образом отпечатываются в коллективной

памяти нации. «История разделяет череду веков на периоды, как сюжет трагедии распределяется по нескольким актам. Но в то время как в пьесе от одного акта к другому продолжается одно и то же действие, с одними и теми же персонажами, остающимися вплоть до развязки верными своему характеру... в случае истории возникает впечатление, что от одного периода к другому обновляется все: интересы, направление мысли, способы оценки людей и событий, а также традиции и перспективы на будущее» (Хальбвакс, 2006: 9). Поэтому для коллективной памяти важным становится не хронология и событийность, а все то, что отличает один период от другого. Поскольку воспоминания о знаковых событиях прошлого отображаются сквозь призму личного опыта и современной автору действительности, они носят избирательный характер, что может быть своеобразной демонстрацией актуальных нужд общества на каждом таком этапе.

Художественный текст тоже, безусловно, является одной из форм выражения коллективной и культурной памяти, поскольку она несет на себе отпечаток своего времени (современные исследователи подчеркивают, что художественный текст может рассматриваться как исторический документ) (Зверев, 2003). Однако следует отметить, что коммеморация в этом случае приобретает художественную интерпретацию. Такой текст презентует коллективную память, скорее, на иррациональном уровне. Писателя-художника интересует не только хронология событий (а иногда она совсем не в счет), а ощущение и эмоции его характеров в тот или иной момент существования общества.

Рассмотрим роман украинской писательницы Ирэн Роздобудько «Если бы» (2012) в контексте данного подхода и постараемся определить, является ли это художественное произведение частью коллективной социально-исторической памяти. Для данного исследования произведение интересно прежде всего в плане его репрезентативных возможностей. Фантастическая фабула путешествия в прошлое, в 1980 г. мотивирует детальное отображение образов советского прошлого, которые служат источником формирования новых культурных смыслов украинского «сегодня». Это позволяет автору развернуть культурную матрицу целого поколения и таким образом заявить о важных проблемах современного общества. В связи с этим актуальность исследования очевидна.

Творчество Ирэн Роздобудько уже стало частью современного украинского литературного процесса. Ее творчество привлекает внимание как критиков, так и литературоведов. Исследователей интересует ее мастерство в разработке детективного жанра (Н. Галушко, О. Приходченко, Л. Старовойт), детальной психологической проработке персонажей (Н. Герасименко, Л. Горболис, Ю. Соколовский). Гендерный аспект ее творчества также не остался за пределами внимания литературоведов (Г. Авксентьева, Н. Павлюк, К. Ткач). Несмотря на это, произведения автора в аспекте *memoir studies* не изучено.

И. Роздобудько является представителем поколения, детство которого прошло в «застойные советские годы», затем были годы перестройки, первые годы становления независимой Украины. Большинство ее прозаических произведений создаются одновременно на украинском и русском языках, что дает возможность познакомиться с ее работами широкому кругу читателей.

Первое, на что обращает внимание читатель, – это обобщенное и символическое представление о периоде «застоя», которое преломляется в романе сквозь особую призму: детские воспоминания и восприятие тех событий глазами взрослого человека. Такая бинарная презентация одного и того же события усиливает коммеморативный эффект и провоцирует читателя на переосмысление того далекого времени. Так, например, 1980 г. вошел в историю как богатый на события год: Олимпиада, Всесоюзный субботник в честь празднования 110-й годовщины со дня рождения Ленина; однако в памяти героини запечатлелось: «... умер Высоцкий. Шла афганская война» (Роздобудько, 2012: 63).

Как уже было отмечено выше, прошлое в романе предстает перед нами дважды – в воспоминаниях, которые пережили годы, так как зафиксировались в памяти маленькой девочки, а так-

же с точки зрения человека, знающего о причинно-следственных связях этих событий. Разницу в таких прочтениях событий переоценить сложно: они приобретают особую идейно-эстетическую окраску.

Коммеморативное действие также усиливается нарративной тактикой произведения: повествование ведется попеременно от первого и от третьего лица, при этом сохраняет субъективность. Читатель как бы оказывается внутри повествования и одновременно имеет возможность посмотреть на все со стороны. Автору удается нивелировать дистанцию между нарратором и персонажем, что способствует созданию целостного идейного поля текста. Становится ясно, что внутренняя точка зрения тридцатилетней Вероники Ивченко, детство которой прошло в 1980-х гг., открывает завесу над комплексом этических и мировоззренческих императивов жителя постсоветского пространства начала XXI в.

Сложно говорить о том, что роман дает читателю фактическую информацию о той эпохе, скорее, в тексте воссоздается эмоциональная и культурная атмосфера того времени. Бинарная оппозиция «притворство – трагический пафос» – это те рамки, которыми можно описать события, «вспомненные» героиней. Исторические антитезы: Олимпийские игры – война в Афганистане, годовщина со дня рождения Ленина – смерть Высоцкого – это своеобразная система ценностных координат Вероники. Эти события используются как инструмент для критики советских реалий и подчеркивают желание автора не игнорировать «острые углы» в вопросах трактовки прошлого.

Тема обличения тоталитарного прошлого развивается в направлении от субъективного ракурса восприятия героини («...об играх знали только потому, что на экране все время показывали медведя с кольцами на поясе. Он мне категорически не нравился – был слишком плоским, большим, с банальной улыбкой и круглыми глазами. Как на детский вкус – довольно несимпатичный» (Роздобудько, 2012: 63)), постепенно происходит объективизация посредством высказываний второстепенных персонажей из прошлого («...а всю шваль уже вывезли за сто километров... мне кажется это правильным: нечего проституток и бомжей показывать иностранцам» (Роздобудько, 2012: 118); «Не знаю, как там у вас было, а я насмотрелся на взяточничество, воровство и сплошное разгильдяйство... Необлицованные стены заливали белой краской, чтобы было похоже на белую плитку, ну, чтобы госкомиссия приняла. Думал: заметят. Ни фиги! Заметили и приняли...» (Роздобудько, 2012: 120)). Смысловая градация усиливается на фоне официальной трактовки событий: «19 июля 1980 – в Москве открылись Олимпийские игры, которые бойкотировало 45 стран... Руководство СССР рассматривало эти игры как самую важную идеологическую акцию. Москву нужно было показать всему миру как витрину социализма. Идея бойкотирования Олимпийских игр принадлежала Великобритании, Канаде и США как протест против вторжения советских войск в Афганистан и преследования советских диссидентов» (Роздобудько, 2012: 64). Такая презентация одного и того же события способствует определенному ироническому эффекту, который ощутим буквально с первых упоминаний об этом событии.

Патетике Олимпийских игр противопоставляется настоящий трагизм афганской войны. Следует отметить, что в произведении эти два факта упоминаются в общем контексте, однако эмоциональная оценка этой печальной страницы из истории остается неизменной: «Афганистан... Из этой далекой и неведомой страны, которую во дворе называли „Афган“, в конце того ужасного лета привезли гроб с телом сына тети Нины, и она сразу же постарела...» (Роздобудько, 2012: 63). Варьируется лишь идеологический ракурс: «...мы исполняем свой идеологический долг... Мы? Свой долг? Вы кому-то обязаны? ...Там геройски гибнут наши парни! ...Но ведь гибнут ни за что!» (Роздобудько, 2012: 123).

Современное положение вещей снимает необходимость подобного рода оправданий, так как три десятилетия полностью отменяют такую необходимость. М. Хальбвакс объясняет подобное

положение вещей тем, что с ходом времени общество находит в себе новые ресурсы и выбирает новые цели (Хальбвакс, 2005). Так, большинство постсоветских государств, которые в своем большинстве выбрали путь жесткой критики и осуждения советского периода своей истории, зная результаты этой бессмысленной войны, не принимают политику героизации участников «той войны», а, скорее, подчеркивают ее бессмысленность и неправомерность.

Смерть В. Высоцкого и годовщина рождения «вождя мирового пролетариата» представлены в рамках этой же вертикали ценностей. Упоминание этих событий в одном контексте провоцирует читателя к их сравнительному осмыслению, так как в романе эти памятные даты получили всесоюзное, общенациональное значение: смерть «певца искренности в неискреннее время» и день рождения «вождя революции». «Смерть Высоцкого почти весь наш двор воспринял как собственную – весь день из окон звучали довольно плохие магнитофонные записи его песен, которые превратились в неимоверную какофонию. Мужики нервно курили и разливали водку под деревянными крышами беседок» (Роздобудько, 2012: 63). Автор воссоздает абсурдность ситуации: с одной стороны – «неимоверная какофония» в память того, кто не выносил фальши, а с другой – «грандиозный субботник», который объединил миллионы не «за идею», а за «три бутылки водки»: «...крепкий старичок, который дневал и ночевал на лавке, вспомнил еще одно торжественное событие – сто десятую годовщину со дня рождения Ленина ...и о грандиозном субботнике в честь этого праздника, в котором приняло участие 150 млн человек. И о трех бутылках водки, за которые они с дружбанами вывозили мусор за город» (Роздобудько, 2012: 212).

Эволюция отношения героини к ее настоящему очевидна после ее «личной встречи» с советским прошлым: «...свой собственный анабиоз и равнодушие – анабиоз целой кучи разумных людей, которым все было „до фени“ и „по фене“». Кроме того, чтобы напичкать свою квартиру едой и шмотками». Важным является то, что героиня приходит к таким выводам лишь после того, как ей удастся лично «встретиться с прошлым» в условиях реального времени, что для ее современников является невозможным, поэтому их анабиоз до сих пор продолжается.

Размышления главной героини о хорошо ей знакомых событиях того далекого 1980 г. сводятся к такому выводу: «как быстро человек забывает плохое» (Роздобудько, 2012: 211). Исследователи особенностей памяти человека называют три возможные причины этого явления: философско-антропологическая, социокультурная и психологическая (Клейтман, 2012). И. Роздобудько склонна видеть в этом природный защитный механизм человеческой психики: «Помним только хорошее. Колбасу по „рупь двадцать“, молоко в стеклянной бутылке по „двадцать две“, понятно, копейки... Абсолютный покой, остановка в истории под названием „застой“» (Роздобудько, 2012: 212). Иронические нотки этого отрывка говорят о том, что 1980 г. был выбран не случайно. В художественном мире этого произведения он приобретает функцию проекции современных представлений о СССР в целом.

Коммеморативный потенциал романа хорошо прослеживается на примере сравнения схожих образов прошлого и настоящего: «Я посмотрела на полочку. Там стоял крем для рук в стеклянной баночке и болгарский шампунь „Роза“. Я усмехнулась: для того чтобы нормально покупаться и вымыть голову, нужно будет вернуться в двадцать первый век!» (Роздобудько, 2012: 90). Горькое прозрение приходит мгновенно: «После ванной с пеной-кремом на основе масла авокадо и мытья головы австрийским шампунем, который может „увеличить объем вдвое“... все это показалось далеким и не менее странным, чем это необычное лето. Собрать бы все эти причиндалы в большой пакет и отнести туда, где запах зубной пасты „Поморин“... были символами безусловной радости для ребенка. Бросить бы это все посередине захламленной кухни и сказать – вот, разбирайте! Это то, ради чего идут ваши безумные дни и безнадежные ночи» (Роздобудько, 2012: 215). Нарушение устоявшейся аксиологической системы Вероники Ивченко приводит к огромному психоэмоциональному напряжению: бывшие ценности утратили свою истинность, но ведь новых еще нет! Позитивная символика прошлого утрачивает свою семанти-

ческую нагрузку, так как героиня переосмысливает природу того «покоя» и «морального совершенства». Все это происходит одновременно с осознанием ценностных идеалов настоящего. Таким образом, 1980-е предстают перед нами своеобразным «началом заболевания», а сегодняшний день – лишь его следствие.

В завершение хочется отметить, что на «развлекательном материале» И. Роздобудько удалось обнажить причины моральной деградации современного общества на постсоветском пространстве в начале XXI в. Коммеморация как структурный элемент художественного текста позволяет автору создать своеобразные «места памяти» и тем самым увеличить художественную и идейную ценность произведения: поднять его с уровня обыкновенного женского романа на уровень интеллектуальной прозы.

Список литературы

- Васильева Е. О. Роль практик коммеморации в процессах организации социального пространства современного искусства // *Власть*. 2009. № 6. С. 40–43.
- Зверев В. В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // *Вопросы истории*. 2003. № 4. С. 161–166.
- Клейтман А. Ю. «Эпоха коммеморации»: мнемонические основания социокультурной идентичности // *Память и памятники: материалы семинара*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 29–46.
- Курилла И. И. Историческая память и публичная коммеморация // *Память и памятники: материалы семинара*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 4–12.
- Роздобудько И. Если бы. Харьков: Клуб сімейного дозвілля, 2012. 253 с.
- Хальбвак М. Коллективная память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3. С. 8–27.

Рыбалка И. С., кандидат филологических наук, доцент.
Мариупольский государственный университет.
Пр. Строителей, 129а, Мариуполь, Украина, 87500.
E-mail: iryna_ribalka@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 августа 2015.

Rybalka I. S.

MEMORY STUDIES OF MODERN UKRAINIAN NOVEL

This paper studies a modern Ukrainian novel using the approach worked out by so-called Memory studies. The use of commemoration in fiction is touched upon as well. The article presents the analyses of the novel “If” written by the famous Ukrainian novelist Iren Rozdobud'ko as a practice of the Soviet Union commemoration. The novel was chosen because of the strong and clear opposition of the Past and the Present that allows treating it as a kind of memory place. The work presented can be used as a basis for further analyses of fiction as a type of commemoration.

It's known that one of the most important types of commemoration is the use of the dates; the choice of the dates can influence much on the perception of the work. So, I. Rozdobud'ko emphasizes on the several events of the 1980s. They are the Olympic Games 1980 and the very beginning of the Afghanistan conflict. These historic events are presented in opposition: a happy one and a sad one. It should be underlined that the author uses no historic names and concrete dates. The other two events opposed are the cultural ones: the death of Vladimir Vysotskiy and so-called All-Union Saturday.

While analyzing the work we have come to the conclusion the commemoration effect is reached by presenting the characters' emotions and thoughts through their dialogues and the monologues of the main character Veronica.

The main character, a thirty year old journalist Veronica Ivchenko found herself in 1980 when she was only seven. She perceived everything happened at the time being adult. It helps her to re-think all the events by the mind of an adult person. That leads her to the conclusion that the beginning of the Afghanistan conflict was more important for the people than the Olympic Game, the death of V. Vysotskiy shocked the society, but nobody remembered about the All-Union Saturday.

We would like to note that the “entertaining material” used by I. Rozdobud'ko allowed to expose the moral degradation reasons of the modern society in the former Soviet Union countries in the early twenty-first century.

Key words: *Memory studies, “places of memory”, commemoration, the collective memory.*

References

- Vasil'eva E. O. Rol' praktik kommemoratsii v protsessakh organizatsii sotsial'nogo prostranstva sovremennogo iskusstva [The role of commemoration practices in the processes of social organization of contemporary art]. *Vlast – Power*, 2009, no. 6, pp. 40–43 (in Russian).
- Zverev V. V. Novyye podkhody k khudozhestvennoy literature kak istoricheskomu istochniku [New approaches to belles lettres as an historical root]. *Voprosy istorii – Problems of a history*, 2003, no. 4, pp. 161–166 (in Russian).
- Kleytman A. Yu. “Epokha kommemoratsii”: mnemonicheskiye osnovaniya sotsiokulturnoy identichnosti [“A Commemoration era”: mnemonic background of a socio-cultural identity]. *Pamyat' i pamyatniki: materialy seminara* [Memory and monuments: seminar papers]. Volgograd, VolGU Publ., 2012. Pp. 29–46 (in Russian).
- Kurilla I. I. Istoricheskaya pamyat' i publichnaya kommemoratsiya [Historical memory and public commemoration]. *Pamyat' i pamyatniki: materialy seminara* [Memory and monuments: seminar papers]. Volgograd, VolGU Publ., 2012. Pp. 4–12 (in Russian).
- Rozdobudko I. *Esli by* [If they were]. Khar'kov, Association of a family holiday Publ., 2012. 253 p. (in Russian).
- Halbvaks M. Kollektivnaya pamyat' [Collective memory]. *Neprikosnovennyy zapas – Emergency ration*, 2005, no. 2–3, pp. 8–27 (in Russian).

Rybalka I. S.

Mariupol State University.

Pr. Stroiteley, 129b, Mariupol, Ukraine, 87500.

E-mail: iryna_ribalka@mail.ru